

Л у б о к ъ.

илъ мужикъ нахуторѣ, и звали его Никифоромъ. Семья у него—не велика, самъ четвертъ: жена, сынъ маленький, да отецъ, старикъ старенькій. Выходить,—надо кормить четыре рта, а добыччикъ одинъ. Дѣдъ какой работникъ: руки-ноги ослабли, весь въ дугу согнулся,—задаромъ только хлѣбъ ѣсть. Заѣла Никифора лихая нужда, бился-бился бѣднякъ—все самому куска не хватаетъ, и задумалъ онъ отвязаться отъ старика отца. Время было зимнее. Досталъ разъ мужикъ длинный большой лубокъ и говоритъ отцу. «Ну, старикъ, пойдемъ. Будетъ тебѣ на свѣтѣ маяться, чужой вѣкъ заѣдать. И тебѣ станеть легче, а намъ безъ тебя вдвое.» Понялъ дѣдъ къ чему Никифоръ рѣчь ведетъ, молчитъ, да плачетъ, горькими слезами заливаётся. Взялъ Никифоръ, сынишку съ собой и повели они дѣда. Привели къ глубокому оврагу, посадилъ Никифоръ старика въ лубокъ и спустилъ внизъ. «Прощай, отецъ, не поминай насъ лихомъ.» Вздохнулъ Никифоръ, постоялъ не много и хотѣлъ идти домой, а сынишка дергаетъ его за рукавъ и говоритъ: «Тятя, а тятя, возьми лубокъ-то съ собой.»—«А на что онъ мнѣ?»—«Пригодится, тятя, возьми: когда будешь ты такимъ старенькимъ, какъ дѣдушка, посажу тебя въ него и внизъ скачу.» Схватился Никифоръ за голову и говоритъ: «Эхъ, видно, окаянный меня попуталъ. Спасибо, сынокъ, что дурака-отца уму разуму наставилъ.» Бросился въ оврагъ, вытащилъ старика, попросилъ у него прощенья и повелъ домой. Съ той поры сталъ мужикъ кормить и поконить старика-отца до самой смерти.